

выражений «взяша жива» у Татищева и «яша» в Ипатьевском списке, а также «ят бысть» в Густынской летописи все-таки заставляет думать, что данное чтение заимствовано Татищевым из какого-то другого списка Ипатьевской летописи.

Следующий пример, который не позволяет считать Ермолаевский список источником татищевского рассказа:

Е

...городы посеемские... метяхуся, аки возмут весть, города воставаху, и не мило бяше комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрешахуся душ своих, жалующе по князех своих.

Т₁

...городы посемские... бояхуся, да егда приидут половцы и города поемлют, не бе бо кому боронити и люди уряжати. И тако плакахуся от мала и до велика.

Сравнивая данные отрывки, замечаем, что текст *Т₁* не соответствует тексту Ермолаевского списка. Различие не только в словесном оформлении, но и в содержании. В летописи говорится о том, что жители посемских городов так глубоко «жалующе» о пленении своих князей, что «отрешахуся душ своих», им даже «не мило бяше комуждо свое ближнее», в тексте «Истории» — они только боятся прихода половцев.

Вряд ли столь сильное изменение отрывка в «Истории» связано с переработкой текста Ермолаевского списка самим Татищевым. При переработке остались бы хоть какие-то следы от старого текста в этом сравнительно большом отрывке (например, могли бы сохраниться такие опорные слова, как «метяхуся», «возмут города»). Кроме того, в рассказе Татищева в данном отрывке идея единства князей и народа отсутствует (в отличие от летописи). А если учесть, что Татищев ради утверждения именно этой идеи специально вводил в свой рассказ дополнительные версии (см. об этом ниже), вызывает недоумение, почему бы мог быть так изменен текст Ермолаевского списка. Очевидно, сам источник, которым пользовался Татищев, не содержал подобного текста.

Итак, те отклонения татищевского рассказа от рассказа по Ермолаевскому списку, которые не являются ошибками переписчика и не носят следов правки самого Татищева, а отражают таким образом чтения оригинального текста, и дают возможность предполагать, что в основе татищевской повести лежал список, близкий Ермолаевскому, но не идентичный ему. Условно обозначим его как список *Е₂*.

В рассказе «Истории» имеются сведения об Игоровом походе, отсутствующие в Ипатьевской, но содержащиеся в Лаврентьевской и близкой к ней летописях. Например, описание затмения и известие о посланнике, которого половцы отправили к киевскому князю Святославу с повелением «прийти по свою братию», восходят к типу рассказа о походе Игоря по Лаврентьевской летописи. Л. А. Дмитриев видит зависимость татищевского рассказа непосредственно от Лаврентьевской летописи.¹⁵ Это заключение требует уточнения. Татищев, как установлено, не имел в руках Лаврентьевской летописи; но известно, что среди «манускриптов» и списков, привлеченных Татищевым к работе, были летописи, содержащие рассказ об Игоровом походе в редакции Лаврентьевской летописи.¹⁶ Это Воскресенская летопись в Воскресенском и Алатырском списках, Новгородская летопись в Голицынском, Лаптевском и Академическом XV списках, Радзивилловская, Львовская и Новгородская IV летописи. Сведениями какой из них воспользовался Татищев? Очевидно, что дополнения были заимствованы не из Львовской и не из Новгородской IV, так

¹⁵ Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве» стр. 137.

¹⁶ ИР, т. IV, стр. 47—49.